

Александр ВОЛОВИК

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ

Москва

ММХХІІІ

Александр Воловик

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ. Стихи. М.: ИД «ВРУЧНУЮ», 2023,
– 28 с.

В книгу входят стихи из жизни, написанные в
1987 – 2000 гг.

© А.И.Воловик, 2018 – 2022.

© Издательский Дом «ВРУЧНУЮ»

Контакты: a-volovik@yandex.ru
alexander.wolowik@gmail.com

ИЗ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

Знаменитость пошла к знаменитости в гости.
Знаменитость надела приличный костюм.
Знаменитость зубрила в автобусе тосты,
изнуря забитый экспромтами ум.
Знаменитости дверь знаменитость открыла.
Знаменитость вошла к знаменитости в дом.
Знаменитость сначала в трюмо отразилась,
а бокалы её исказили потом.
Знаменитость блестящую бросила фразу,
что в анналы войдёт — тут сомнения нет!
Знаменитость, её оценившая сразу,
знаменитую шутку сказала в ответ.
Знаменитости, глядя в цветной телевизор,
узнавали друг друга и были горды.
Знаменитости выпили чай из сервиза
(знаменитый, фарфоровый — чистой воды!)
Уходя, знаменитость со знанием дела
похвалила в прихожей старинный офорт.
Знаменитость осталась одна и доела
заливное, горячее, зелень и торт.

ИЗ ЖИЗНИ УЧЁНЫХ

Мужья ведут учёный разговор,
а жёны в креслах заняты вязаньем.
Камин пылает. Редкое издание
лежит на полке. Вот научный спор,
прервав академичное журчанье,
вдруг вспыхнул водопадом. Брызг узор,
пронзённый умной радугой познания,
сверкнул, как драгоценность. Мельхиор
тяжёлых ложек матово мерцает
в тарелочках с изысканной едой,
и ассистент коллегам наливает
в бокалы «пепси» — с содовой водой.

ИЗ ЖИЗНИ СЫЩИКОВ

В архив сдаёт дела милейший доктор Ватсон:
Хоть обеспечен тыл, но впереди темно.
Задача ремесла — подольше не сдаваться
пред веком золотым, стучащимся в окно.
По камерам грызут решётки мафиози,
ножом не саданут и не возьмут казны.
Без вора гибнет суд, настало время прозы.
В кутузку б Сатану! Да нету Сатаны.
Юстиция строга, но новых дел не шить ей,
пока, осилив страх желаньем перемен,
не пустится в бега кошмарный потрошитель,
гниющий в рудниках вблизи поселка N.
Пусть только удерёт — и долго не провьётся
верёвочка!.. А то — совсем не вмоготу
бездействовать...

 Так вот, о чём теперь печётся
печальный Пинкертон на боевом посту!
Себе избравший ту из тысячи профессий,
где лупа и наган — орудие труда,
он курит в темноту, он знает: город тесен,
преступная нога оставит след всегда!
И следователь вновь гремит бревном в камине,
и расцветают вновь секреты ремесла.
Как прежде век суров, в нём злата нет в помине,
не выдохлось вино, и — предстоят дела.
Он надевает плащ, привычно прячет «пушку»,
бесшумно — шась! — за дверь: искать и находить.
Творящий зло, восплачь,
ибо — ты взят на мушку,
осален, и теперь
 тебе
 пора
 водить.

ИЗ ЖИЗНИ ЯПОНЦЕВ

Я намедни, блуждая во мраке,
и зубами стуча налегке,
опрокинул рюмашечку сакэ,
или — чёрт её знает! — сакэ.
Горстка риса, конечно, не грузди.
Сам себе говорю: Не косей!
и полез на сервант, как на Фудзи,
понимая, что стал я — сэнсэй!
Я надел деревянную гэту,
намотал на себя кимоно...
Восходящее солнце! — Поэту
засветило, конечно, оно.
Ну, покончил я с этою... банкой.
Чем запить? — Церемонии! — Чай!.. —
И нацелился в публику танкой
(это вроде сонета). БАНЗАЙ!

ИЗ ЖИЗНИ БРЮДЕР ГРИММОВ

Сказал брат Гримм другому брату Гримму:

— Я, падла, из тебя всю душу выну!

И, сухой буду, в Полицай

я стукну, как ни порицай!

Гони от гонорара половину.

Ему на это брат ответил (Якоб):

— Ты, брат Вильгельм, досадно одинаков.

Конечно, я не серый волк,
но автор-то — народ, дас Фольк!..

— Нет гонорара, — молвил он, заплакав.

Но тут смягчился вдруг суровый Вилли.

— Ну, гут, — сказал он, — Яшка, или-или.

Одер вир ге'йн цу тринкен Бир,

одер за Шнапсом лёйфен вир...

Унд данн они драй Банкен раздавили!

ИЗ ЖИЗНИ ЮДОФОВОВ

Жил я тихо, никого не трогал,
но меня в смятение поверг
мрачный факт: Корнеев — это Коган.
А Исламбердыев — Мандельберг.
Я — хоть не похож на дебошира —
сионистский разгону дурман:
Сидоров — по бабушке Шапиро,
а его борзая — доberman.
Разогнался — и не остановишь —
по асфальту склизкому Пегас:
Иванова — это Давидович,
а Петров — я извиняюсь — Кац!
Боже мой! В какие палестины
полетело всё, что я люблю!
Оказался Блюмкиным Устинов,
стал Нечипоренкой — Розенблюм!..
Не могу смолчать, не похвалившись,
(как всегда, когда иду на рать!):
я узнал, что Кузькин — это Лифшиц,
в документах указавший мать.
Кузькин! Мать твою — не позабуду,
ибо — показать её резон
всем, кто как бы наш, а сам, иуда,
ежели не Зак, так Либерзон!

ИЗ ЖИЗНИ СИОНИСТОВ

Ваш кумир не наблюдёт уже на столик
(т.е. ужин не закончится скандалом),
ибо свят наш ритуал — скажи, историк! —
и мы дали между глаз ему шандалом.
Может, кто нас упрекнёт, мол, дело мокро —
я шандалом самолично и тому дам!
Что ли зря великолепная семёрка
всё кумекала в Сионе над Талмудом!
Так что ваших, почитай, раз-два и нету.
У последних, вон, петля свистит на горле.
Ну и что! — По нашим планам вся планета
скоро станет как Москва — шестиугольна.
Всё идёт согласно тайных «Протоколов» —
и крючком не поступимся малейшим!
Вот у нас и не случается проколов.
Так что чао, господа. Шолом алейхем.

ИЗ ЖИЗНИ ОДНОЙ КРАСАВИЦЫ

Одна красавица, прикуривая «Salem»,
вдруг вспомнила: в её российском детстве
капуста кислая звалась «провансалем».
Кому это мешало — неизвестно.

Одна красавица, прикуривая «Camel»,
нехорошо подумала про Кремль.
А если бы она курила «Шипку» —
ни в жисть не сделала б подобную ошибку!

Одна красавица, прикуривая «Шипку»,
попала искрой в глаз другой девице
и тем из строя вывела паршивку.
Как говорится, «Veni. Vidi. Vici».

Одна красавица, прикуривая «Новость»,
присвоила чужую зажигалку.
Её минуты две терзала совесть.
Потом прошло. Воровка и нахалка!

Одна красавица, прикуривая «Marlboro»,
вдруг вспомнила знакомого блондина.
Ему себя она бы просто в дар дала,
но — не терпел он запах никотина.

Одна красавица, курившая «Казбек»,
лоб в лоб столкнулась с неким господином.
Но оба сделали такой большой разбег,
что телом так и не сумели стать единым.

Одна красавица приобрела «Гавану»
и, закурив её, полезла в ванну.
Но не заметила, что там сидел сосед.
Что было дальше, знаете? Я — нет.

Одна красавица, перекурив «Дуката»,
вдруг обнаружила, что, кажется, брюхата.
И долго не могла найти причины.
«Шерше ля фам», — как говорят мужчины.

Одна красавица курила «Беломор»,
за куклой Барби занимая очередь.
Она давно ждала рожденья дочери.
Но вышел сын. Назвали Соломон.

Одна красавица, покуривая «Приму»,
отправилась в экскурсию по Риму.
Но даже не дошла до Колизея:
упала в люк, по сторонам глаза.

Одна красавица, куря «Герцоговину-Флор»
и запивая это дело «Хванчкарою»,
была лойяльна к существующему строю.
Теперь не пьёт. А курит — «Беломор».

Одна красавица, закуривая «Яву»,
упала не то в лужу, не то в яму.
Не выпачкан окурочек остался...
Случилось это по пути на танцы.

Одна красавица, закуривая «Winston»,
подумала, что было бы неплохо
сходить на Пикадилли или в Сохо.
А это было под Северодвинском.

Одна красавица курила «Golouase».
А ей навстречу пьяный гнал «УАЗ».
О где же вы, участники той встречи!
Иных уж нет, а прочие далече.

Одна красавица курила «Краснопресненские»,
и ей казалось — слаще нет во всей Москве ничего.
Но вот махорки подарила в праздник крестница ей...
Фамилия её была Козобубеничева.

Одна красавица, закуривая «Север»
и пепел стряхивая в треснутую чашку,
всё вспоминала о весеннем Севе,
о зимнем Славе... и вздыхала часто.

Одна красавица, закуривая трубку,
стряхнула уголёк себе на юбку.
Синтетика немедленно сгорела
и с ней красавица. А трубка — уцелела!

ИЗ ЖИЗНИ КИНОМЕХАНИКОВ

— Карандашами мы — ох! — намахались,
Ох, настрочили умно!

Кинотехник, кинотехник,
что ж ты не крутишь кино?

— Я покрутил бы, да вот незадача:
очень уж фильм про любовь.
Жалостный, знаете... Ну как заплачу!
Что же мне делать с собой?..

— Кинотехник, кинотехник,
ты покрути нам другой.
Там, где работает башенный краник
в паре с электродугой.

— Это — пожалуйста. Только потише.
Эй, погасите там свет!
Ну-ка, полезли, всё выше и выше,
не кочегары мы, нет.

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТОВ

Вот храм Поэзии. Редакторы — швейцары.
С метлою критики: наводят чистоту.
На курсы повышенья — на базары! —
прозаиков погнали, лимиту.
С пегасни во дворе несёт хореем.
Приемлют музы поэкстазно душ.
За гонораром и за гонорреей
сюда влекутся инженеры душ.
Держи, поэт, по ветру бакенбарды.
Пари высоко, но не чересчур!
Не то завхрамом враз отдаст команду
спровадить кой-кого на саранчу.

ИЗ ЖИЗНИ ГРАФОМАНОВ

Как графоман я посетил собрание
бюро по пропаганде графомании.
Мы обсуждали разные дела.
Пусть графоманы мы, но, тем не менее,
к нам Муза столь добра, что вдохновение
какое-никакое нам дала.
Мы говорили: фабула... сравнение...
Отечество... катарсис... прихоть гения...
(как модельеры — крой, шевьот, пошив...),
в единстве наша сила и в сознании
того, что всё в советской графомании —
от книг и до интриг — как у больших.
Был разговор и о делах издательских,
о тиражах мизерных издевательских,
и что давно пора на хозрасчёт.
Что надо нам иметь побольше смелости,
и что бороться надо против серости,
и что ещё чуть-чуть — и всё пойдёт!
Не бюрократы мы, зря слов не тратили,
а оказались в русле демократии,
и — более, чем кто-либо — равны,
от тайного голосованья гордые,
мы в высшие свои избрали органы
ведущих графоманов всей страны.
И пусть народ, не смыслящий словесности,
нам прочит прозябание в безвестности —
нам наплевать! Мы пишем, и — кранты!
И, пользуясь свободой и гласностью,
я заявляю, что горжусь причастностью
к процессу производства красоты!

ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДОЕДОВ

Он жевал да глотал, утирая уста.

Смолотил крикунов и тихонь.

Только вдруг — осознал?

подавился?

устал?.. —

Перестал. Отрыгнулся в ладонь.

Но иллюзиями неоправданными

не утешиться, дело не в том!

Людоед обожрался согражданами,

вот и мается он животом.

Мы свободны теперь. Мы величественны.

Не подать уже нас на фуршет.

И пора вспоминать героическое,

романтическое, прошлых лет...

Мы ж добры! И ничуть не озлобленные.

Не отгрыз он души нашей, гад!

«Зуб за зуб» — не для нас, мы — особенные!..

Он же — стар, инвалид, седоват...

Он, мужчинами полон и женщинами —

лопнет ЖЕ!..

И гуманно летит

к брюху оному с клизмой торжественной

добрый доктор. Такой Айболит.

У больного потрескался кафель лица...

(Спрятал доктор коньяк чаевой.)

В острых отблесках скальпеля капельница.

Сон. Диета... Пройдёт, ничего.

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАБВЕННОЙ ТЁТИ ШАРЛОТТЫ

Незабвенная тётя Шарлотта
как-то выпила пинту компота,
что пошло ей во вред,
ибо сытный обед
завершила обильная рвота.

Незабвенная тётя Шарлотта
в понедельник упала в болото.
На её вызволение
дал король позволение,
но велел обождать до субботы.

Незабвенная тётя Шарлотта
в родословной имела вестгота.
— Он, — она говорила, —
был известный Аттила,
сын побочный Сафо и Полпота.

Незабвенная тётя Шарлотта
залегла у фашистского дзота,
сосчитала до трёх
и сказав «Хенде хох!»,
всех пленила. Не верится что-то...

Незабвенная тётя Шарлотта
целый день не снимала капота,
полагая, что днём
ей прилично быть в нём.
Ну, а ночью — другая забота.

Незабвенная тётя Шарлотта,
заведённая с поборота,
то ломала пятак,
то подкову, то — так:
головой отворяла ворота!

Незабвенная тётя Шарлотта
приглашала на квас патриота.
— Найд! — вскричал патриот, —
только пиво, майн Готт!
Я есть немец, и звать меня Отто!

ИЗ ЖИЗНИ ФЕРМЕРОВ

Фермер расстрелял семерых кредиторов
Из газет

У фермера семеро как бы по лавкам,
и истин не рóдит с финансами спор.
Не ждите, что фермером будет обласкан
в своём огороде злодей кредитор.

А если их семеро — в чьём это вкусе?!
И так-то коробит нехватка земли;
обкушались клеверу гнусные гуси;
семь тощих коров от козла понесли...

Где грóши, которых со времени Она
не сыщешь, как прямо иголку в овсе?..
А семь кредиторов, как семь Симеонов,
богаты и самодостаточны все.

Как хочется — скоро — калашника вынуть!..
Но вспомните сёмью: они не простят...
А семь кредиторов куда-нибудь сгинут,
как первые семь из дес(я)ти негритят.

Вы стали, как порох . Умерьте свой норов,
проверьте уменье умножить на семь —
и семь кредиторов, как семеро гномов,
сойдут в подземелья свои насовсем.

Не надо укоров (держите в уме их).
Придите с цветами на бак или ют —
и семь кредиторов, как семеро смелых,
на полюс в «Титанике» славном уйдут.

Довольно повторов: замкнёшься, играя.
Вы ж сами хозяин себе и другим.
А семь кредиторов, как семь самураев,
обслужат себя инструментом кривым.

И славно, без споров, не как посторонний,
достойно и стильно, как друг и кунак,
былых кредиторов помянете скромно
на ихних семи на семейных холмах.

ИЗ ЖИЗНИ ОСЬМИНОВ

Жил бы от получки до получки,
всё менял бы трёшки на гроши.
Но — головоногие моллюски
завелись в извилинах души.
Две ноги по нашим меркам — малость.
Устоять — ни-ни!.. И потому —
столько осьминогов присосалось
к радости и страху, и уму.
Я листал бы вяло жизни книгу
мимо треволнений и тревог,
если бы не складывался в фигу
самый мой карманный осьминог.
Да к тому ж, они полны чернила,
брызжутся... То кляксы, то слова...
Ихний слог недавно похвалила
лично Каракатица сама!
Только главный спрут — любви и секса —
весь в подкорку вкопан, и — не зря.
Он — уродец: в нем для крови сердце
вместо — для чернила — пузыря!
Посреди собратьев говорливых,
хитренький, себе он на уме...
Вот и я поэтому не лирик,
хоть большой любитель — в буриме.

ИЗ ЖИЗНИ ПТИЧЕК

На время забыть об общем,
частности тронуть.

Залаять, увидев ворону в пушистом небе,
и постараться
в предправедном гневе
именно в ней увидеть врага.

И не глядеть в ту сторону,
где с когтистого трона
стаи ворон и воронов,
так же, как эту ворону,
внушают небу:

Кощей, в облаках упрятан,
и Баба-Яга.

Двугорбым горит Араратом
ревность моя к пернатым
Черна и бескрыла зависть —
ведь мне не достать, не доставить
на борт Ковчега
малой жижицы ила, почвы грядущих кочевий.
И не сконструировать в бункере кивера
мирное мне гнездо.

От начала тетрадной страницы
и до
голубых гильотин в мастерской переплётной
я всё пел бы и пел, и друзьям перелётным
было б слаще мне сниться
среди синевы.

Но сказано: «Жука клевала птица».
«Хорёк пил мозг из птичьей головы»...

Но птица Рух, таскавшая птенцам
заместо мух — из них воспитанных слонов...

Но Буревестник,
небесам
кричащий о примате катастроф!..
Меня остановили эти «но»
и предписали частности забыть,
об общем вспоминая.
И вот: от чёрных крыл темно,
и морщит небо и знобит,
и рвёт в куски всё та же злая стая
с непредсказуемых орбит.
И баба бесится Ягая...
И гром гремит...

ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Среди шаров, волчков и юл
крутился я, как ненормальный,
пока безграмотный ПБОЮЛ
рассказ рассказывал печальный.
Его ларёк, не очень дальний,
стал посещать один ПСОЮЛ.
Он образован был и юн
и вид имел весьма нахальный
в своём малиновом пальто.
Сперва не знал его никто,
потом узнали, но не с лучшей
из четырёх его сторон.
Бедняга, разорился он.
Такой вот, извините, случай...

Примечание. ПБОЮЛ — предприниматель без образования юридического лица, а ПСОЮЛ — вероятно, с образованием оного.

ИЗ ЖИЗНИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЖЕНЩИН

Так называемые женщины — это просто мужчины, которые переодеты.

А женщин никаких на свете нету.

Эти мужчины утром встали с постели, лифчики и колготки они на себя надели, на грудь себе положили теннисные мячи, сунули в косметички разные мелочи.

Тщательно выбрились.

Губы помадой подмазали.

Маленькой кисточкой нанесли себе тени у глаз они.

Длинные волосы на бигуди накрутили.

Перед зеркалом постояли и походили.

Сделали глазки сначала наивницы, а после плутовки

и тоненьким голосом (для тренировки) сказали:

— Я пришла. Я легла. Я дала.

Вот и все дела.

ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ

Сожран синим чудищем, мчу ещё живой,
яблочком по блюдечку вдоль по кольцевой.
Но, под каждой решкою ищущий судьбу,
на Калужско-Рижскую ветку перейду.
Там я абонирую место у окна,
где судьба всемирная будет мне видна.
Глазу завидующему, как бы сквозь кристалл,
светлого грядущего яростный оскал —
как бы в масть бубновую бьёт за битом бит
в измерение новое с будущих орбит.
Этой информацией (почему бы нет!)
мог бы потягаться я с сетью Интернет:
президенты-партии; конъюнктура-спрос;
разрешится в марте ли коренной вопрос;
теорему просто ли доказать Ферма;
перемены в Бостоне; урожай зерна;
будет курс устойчиво или как — расти...
— Всё скажу. Но кой-чего мне позолоти.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ:

ЗНАМЕНОСТЕЙ.....	3
УЧЁНЫХ.....	4
СЫЩИКОВ.....	5
ЯПОНЦЕВ.....	6
БРЮДЕР ГРИММОВ.....	7
ЮДОФОВОВ.....	8
СИОНИСТОВ.....	9
ОДНОЙ КРАСАВИЦЫ.....	10
КИНОМЕХАНИКОВ.....	13
ПОЭТОВ.....	14
ГРАФОМАНОВ.....	15
ЛЮДОЕДОВ.....	16
НЕЗАБВЕННОЙ ТЁТИ ШАРЛОТТЫ.....	17
ФЕРМЕРОВ.....	19
ОСЬМИНОГОВ.....	21
ПТИЧЕК.....	22
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.....	24
ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЖЕНЩИН.....	25
ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ.....	26

Александр ВОЛОВИК

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ

Компьютерная вёрстка: Александр Воловик

Гарнитура Verdana. Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Тираж договорной

Издательский Дом «ВРУЧНУЮ»
Подписано в печать 08.08.2023